

Боль и страх — это врожденные чувства, заложенные в человеке самой природой. Нам не нужно учиться их испытывать, они приходят вместе с жизнью, словно инстинкт.

Эйлин находилась в бесконечной, бескрайней тьме. Вокруг пустота, ни звука, ни движения. Она не могла ни крикнуть, ни услышать хоть что-то.

Ощущение удушья, словно от сжимающих тело колец гигантского питона, накрыло её с головой. Раскалывающая боль в мозгу не давала сосредоточиться, и она лишь отчаянно открывала рот, пытаясь издать хоть какой-то звук.

В реальности Пол принял у Лилии новорожденного мальчика. Его сердце замерло от тревоги, пока он смотрел на Зенит, лежащую на кровати.

Оказалось, что в утробе был ещё один ребёнок. Во время родов головка младенца застряла. Лилия и Пол могли лишь с ужасом наблюдать за происходящим — они были бессильны вмешаться, всё зависело от самой роженицы. Единственное, что им оставалось — непрерывно использовать магию исцеления, чтобы поддерживать силы Зенит.

К счастью, ребёнок наконец появился на свет, но, в отличие от бойкого мальчика, девочка выглядела совершенно безжизненной. Она плотно зажмурила глаза, её тельце не шевелилось, и даже плача не было слышно.

Лилия, будучи служанкой, решила, что дыхательные пути младенца забиты околоплодными водами. Она поспешно перевернула ребенка вниз головой и принялась похлопывать по спинке, но всё было тщетно. Они с Полом в панике метались по комнате.

Зенит, обессилив, провалилась в сон и не знала о происходящем, иначе её тревога лишь усилила бы хаос.

В сознании Эйлин мир оставался тёмным, но она почувствовала, как изменился угол обзора — будто кто-то перевернул её вверх ногами.

Руди наблюдал за суетой взрослых. Глядя на комнату, которая казалась совершенно чуждой его прошлой жизни, он наконец осознал свою участь. Да, он переродился.

Это была хорошая новость. Наконец-то он мог оставить позади ту никчёмную жизнь и начать всё сначала. От этой мысли на его лице невольно появилась улыбка.

А вот плохая новость заключалась в том, что его новая сестра, похоже, была не совсем здорова. Впрочем, его это мало волновало. Они виделись впервые, и, сохранив память о прошлой жизни, он не воспринимал её как родного человека — точно так же, как и своих новых родителей.

Он медленно зашевелил слабыми ручками, пытаясь коснуться мужчины, который держал его

на руках, — своего отца в этой жизни.

У мужчины были каштановые волосы, он был одет в простую белую рубашу, которая так обтягивала его крепкие мышцы, что казалась вот-вот треснет по швам. Весь его облик излучал силу, а лицо, несмотря на невероятную красоту, сейчас было искажено такой тревогой, что морщины на лбу, казалось, могли раздавить муху.

Пол, а это был именно он, смотрел на младенца в руках Лилии, который никак не начинал плакать, и чувствовал, как душа уходит в пятки.

Раньше он не задумывался о смысле брака — просто любил Зенит и хотел быть с ней. До рождения сына он не понимал ответственности отцовства и относился к детям равнодушно. Но когда взял на руки своего первенца, осознал: это его кровь, продолжение его жизни и жизни Зенит.

Он начал понимать чувства своего отца. Хотя мысли путались, в глубине души он был счастлив, но радость омрачилась тяжёлыми родами дочери.

Роды с осложнениями — испытание не только для матери, но и для младенца. Большинство таких детей не выживают, ведь сам процесс появления на свет становится для них травмой.

А тут ещё и эта девочка, которая не подавала признаков жизни. Пол взглянул на сына в своих руках — тот, казалось, был в порядке и даже улыбался ему. Но сейчас ему было не до игр.

Лилия сбилась с ног, даже магию исцеления применила к Эйлин, но та по-прежнему молчала и не двигалась.

Что делать? Неужели придётся смириться с потерей?

Пол не хотел сдаваться. Младенец был похож на мертвый груз, лишь едва уловимое дыхание выдавало в ней жизнь. И всё же, как отец, он не мог отступить. Он забрал Эйлин у испуганной Лилии и положил обоих детей на кровать.

Руди смотрел на безжизненную сестру с полным спокойствием. Для него она была чужим человеком, и он с любопытством протянул к ней руку.

Грохот!

Ясное небо вдруг прорезал раскат грома. Звук пронёсся сквозь стены дома, достигнув ушей каждого.

Эйлин тоже слышала его. Гром! Она начала слышать! Словно иссохшая земля,ждавшаяся

долгожданного дождя, Эйлин разразилась пронзительным криком. Шум был оглушительным, но Пол был счастлив — раз кричит, значит, будет жить!

— Слава богу, господин! — воскликнула Лилия. Она была в холодном поту: как служанка, она не справилась со своим долгом, и гнев хозяина был бы оправдан. К счастью, с госпожой всё обошлось.

— Да, Лилия, это твоя заслуга.

— Нет, господин, боюсь, я ничем не помогла.

Они были так увлечены разговором, что не заметили, как сразу после вспышки молнии крошечная искорка света вошла в тело Эйлин, пробежала под кожей и замерла у неё на лбу.

Руди с изумлением смотрел на сияние, возникшее на лбу сестры. Он хотел что-то сказать, но не мог — он был всего лишь младенцем.

Свет сгущался, становясь всё ярче, пока не привлёк внимание взрослых. Они замерли, глядя на Эйлин с нескрываемым шоком.

Свет вокруг начал уплотняться, пока не превратился в золотистый драгоценный камень, буквально вплавленный в лоб девочки.

— Это... как такое возможно?

Пол был в отчаянии. Он никогда не слышал, чтобы у младенца на голове вырос камень. Он осторожно коснулся его — тот не был приклеен, он казался частью кожи, вросшей в плоть.

Он не решался действовать опрометчиво, боясь навредить хрупкому тельцу.

В тот же миг, когда камень сформировался, перед глазами Эйлин забрезжил свет. Он становился всё ярче, она перестала плакать, и спустя мгновение открыла глаза.

Ослепительный свет ударил в глаза, а первым, что она увидела, был встревоженный мужчина, который дрожащими руками осторожно гладил её по лицу.

Эйлин с любопытством протянула крошечную ручку, ухватила за палец мужчины и улыбнулась.